

тний словарь // Фольклорная лексикография / под ред. А. Т. Хроленко. Курск, 1997. Вып. 8. С. 18–56.

Праведников 2002 — Праведников С. П. Архангельские былины, собранные А. Д. Григорьевым: Мезень: Словник и частотный словарь. Курск, 2002.

Разинькова 2003 — Разинькова О. Н. Частотный словарь русских баллад. Курск, 2003 (рукопись).

Слово о полку Игореве 1985 — Слово о полку Игореве. Л., 1985.

Соболевский 1897 — Великорусские народные песни / изданы проф. А. И. Соболевским: в 7 т. Т. 3. СПб., 1897.

СРНГ 1974 — Словарь русских народных говоров. М.; Л.: СПб., 1965–2009. Вып. 1–41.

Степанова 2003 — Степанова И. А. Исторические песни XVII–XIX веков: Словник и частотный словарь. Курск, 2003.

Фадеева 1981 — Фадеева И. Е. Народное искусство и фольклор: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1981.

Хроленко 1998 — Хроленко А. Т. Из наблюдений над семантикой колоративов // Фольклорная лексикография / под ред. А. Т. Хроленко. Курск, 1998. Вып. 10. С. 21–23.

Хроленко 2006 — Хроленко А. Т. О месте концептографии в лингвокультурологических исследованиях // Слово. Словарь. Словесность: из прошлого в будущее (к 225-летию А. Х. Востокова): Материалы Всероссийской научной конференции. СПб., 2006. С. 69–72.

Сокращения

ИП—XVII 1966 — Исторические песни XVII века. М.; Л., 1966.

ИП—XVIII 1971 — Исторические песни XVIII века. Л., 1971.

ИП—XIX 1973 — Исторические песни XIX века. Л., 1973.

СиДВ 1991 — Русская эпическая поэзия Сибири и Дальнего Востока = Russian epic poetry of Siberia and the Far East. Новосибирск, 1991.

ФРУ 1986 — Фольклор Русского Устья / изд. подгот. С. Н. Азбелев и др. Л., 1986.

Summary. In the article the special features of the functioning of color vocabulary in four genres of the Russian folklore (to bylina, to ballad, to historical and lyric song) are examined. The territorial specific character of oral-poetic word based on example lexemes green is demonstrated.

Key words: lingvofolkloristika, territorial specific character, the color vocabulary.

С. В. СУПРЯГА
(Курск)

ДИАЛЕКТИЗМЫ И ФОЛЬКЛОРНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ В ПЕСНЯХ СТАРООБРЯДЦЕВ ЗАБАЙКАЛЬЯ, АЛТАЯ И ПОЛЕСЬЯ¹

Аннотация. В статье рассматривается локальная диалектная лексика русских народных песен старообрядцев, ныне проживающих в Забайкалье, Полесье и на Алтае. Автор представляет этимологический и лексикологический анализ лексических и семантических диалектизмов, результаты которого способствуют выявлению возможного влияния на лексику русской песни новых условий бытования. Особое внимание уделяется заимствованному, «темным» и окказиональным словам.

Ключевые слова: русская народная песня, старообрядцы Алтая, Полесья, Забайкалья, фольклорные диалектизмы.

Три группы старообрядцев, ныне проживающих в Забайкалье, на Алтае и в Восточном Полесье, некогда представляли единую, так называемую «ветковскую» традицию².

В ходе проведенного сопоставления лексики лирических песен этих трех регионов выяснилось, что во всех корпусах текстов в целом прослеживается единообразие количественных параметров (эти показатели лишь немного отличаются из-за значительной разницы в объемах выборки); налицо также схожий состав ядерной лексики, ее частичное соответствие, примерно одинаков набор лексем в кластерах, близки лексикографические портреты выбранных для анализа слов. Однако отмечается и определенное своеобразие на уровне локальной (то есть характерной только для одного из корпусов текстов) лексики, что не в

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-04-00171а).

² См. об этом: [Кляус, Супряга 2006, 42–48].

последнюю очередь может свидетельствовать о чертах, приобретенных в новых условиях бытования фольклорной традиции.

Если рассматривать специфическую для текстов лирических песен данных регионов бытования лексику, то можно заметить, что значительный процент ее составляют диалектизмы.

Пожалуй, все исследователи языка фольклора едины во мнении, что в русских народных песнях содержится определенный процент диалектной лексики. И если мы откроем, к примеру, Словарь русских народных говоров (далее СРНГ), то увидим, что в иллюстрациях ко многим статьям приведены фольклорные тексты.

Обратимся к анализу диалектной лексики, зафиксированной нами в текстах русских народных песен старообрядцев Забайкалья, Алтая и Полесья.

Прежде всего, следует отметить, что изучением языка семейских Забайкалья занимались на протяжении длительного времени многие лингвисты (см.: [Ровинский 1873; Селищев 1920, 1921; Тынтуева 1963, 1973, 1987, 1992, 1994; Белькова 1970; Юмсунова 1977, 1988, 1992, 1999, 2001; Эрдынеева 1986; Козина 2000, 2001]). Работы по исследованию лексики русских песен Полесья и Алтая, к сожалению, не так многочисленны.

Для анализа диалектных лексем текстов исследуемых регионов мы используем классификацию, применяемую составителями СРНГ [Филин 1961; 1994, IV—VI]. В словарном составе диалектов они выделяют несколько групп: 1) лексические диалектизмы; 2) семантические диалектизмы; 3) диалектные словосочетания; 4) фразеологические диалектизмы.

К лексическим диалектизмам, вслед за составителями СРНГ, мы относим:

а) слова, корни которых отсутствуют в литературном языке.

К группе лексических диалектизмов относятся как слова славянского происхождения, так и иноязычные заимствования, наличие которых объясняется совместным проживанием русских с другими народами, производные от

этих слов, а также слова, происхождение которых пока неясно — в ряде случаев фонетический облик таких слов сильно изменен и поэтому не поддается этимологизированию;

б) слова с корнями, известными в литературном языке, отличающиеся формантами.

К ним относятся суффиксальные, префиксальные, суффиксально-префиксальные образования и производные от этих образований;

в) сложные слова, лексемы, обе части которых известны в литературном языке, а также слова, одна часть которых известна в литературном языке, а другая отсутствует в нем;

г) лексемы, материально схожие со словами литературного языка, тождественные им семантически, но незначительно отличающиеся фонетическим обликом из-за реализации некоторых фонетических процессов.

К семантическим диалектизмам относим слова, совпадающие с литературными фонетически, но имеющие иное значение.

Диалектные словосочетания и фразеологические диалектизмы нами не разводились в отдельные группы, поскольку они не столь распространены в нашем материале и не представляли для нас исследовательского интереса при том аспекте анализа, который мы для себя избрали. В этой группе у нас оказались в основном ассоциативные конструкции.

Приведем некоторые наиболее интересные, на наш взгляд, лексемы из исследуемого материала в соответствии с указанными группами классификации (см. табл. 1).

Остановимся подробнее на лексических диалектизмах первой группы.

Интересно, что в песнях старообрядцев Забайкалья (семейских) оказалось несколько слов, имеющих корни неславянского происхождения. Это, к примеру, два варианта лексемы *раскарымычка/раскарымычиха* («*Велят, такыт раскарымычиху-та брать, Брать мне ял ня хо..., ой, ня хочится...*» (видимо, из бурятского *харим* — *карым* — ‘человек, родившийся от брака бурята и русской, 77

Таблица 1

Виды диалектизмов	Забайкалье	Алтай	Полесье
Лексические диалектизмы			
а) слова, корни которых отсутствуют в литературном языке	Баять, блюшить, болна, варнацкий, варавое, ватынок/вотычок, ваячи, галенец, гуровать/прогоровать, давора, заворки, зачинаться, иман/имануха, кашава/кошева, клучи, лавайка, лая, лити, ханжина, маэра, неньерский/вёнерский, обывлять, перьстецкой, разрохотать, рамадушка, раскармычка/раскармычыха, расчучовый, ремода, робить, рузять, садвоя, сполавный, стрихня, татенький, уваю, утольки, хмара, чебярики/чеверики/чебирчки, челина, шидарянычка и др.	баский, верьяный, выробит/заробить/отробить, зарить, заторгачить, кулелка, начужать, лобаять, причельшек, простыночка, шадровишый и др.	гарный, гурчить/грючить, гурковать, гурторить, доня, дручить, зажуриться, залищаться, зезуля, зробишь, комелек, коханочка, крохоть, крынища/кришица, куточек, мати (гл.), пошница, поклметься, покриплат, рятувать, сподновлять, сховать, трескочка, цибуля, черед и др.
б) слова с корнями, известными в литературном языке, отличающиеся формантами	бездомовный, бояринчик, воскшеться, воспомереть, вылистеный/ялистиний, гардиста, далиний, дараскитный, дулить, жалечи, жельтьер, заздобешенек, закубастый, косятческий, напроскучить, павальница, палатница, растабун, ухач, шепетливо, шолуки, юхта и др.	испростыканый, прозументочек, простыночка, равнакай, разбальчиваться, разгарчиваться, сбракаем, спотаечком, хорабровать и др.	завдолой, лепетня, подаровать, позавишенье, руга, разгарческий, смертнице и др.
в) сложные слова	винополия, злочесть, златоклетка, лихомарец, многоразный, пешехотой, полорот и др.	горесорский, каравод, синеморский	белылопушистый
г) слова, материально схожие со словами литературного языка, тождественные им семантически, но незначительно отличающиеся фонетическим обликом	боляре, востальной, вострый, времисько, вулица, вумереть, вишибить, ден, денечек, дарошты, дожж, жаниться, жешицкий, жисть, залезный, испужаться, каковать, какушка, клятва, колясочта, кудерышты, купецский, куроцка, ливорверт, ланок, матница, невеличка, ноць, ноцевать, охвицерик, петенбурх, платоцек, скалабаться, сляза, сторокушта, сярцо, тейца, трахт, упушати, устрелить, хвайбара, цай, цасонек, цатыре, язжана и др.	земчик, начужать, ндрав, перпырхивать, прозумент, треложить, фонтал, чесменный, шоплет, юдалый, ялый и др.	втонуть, кумарь, молонья, ожаться, пестреденный, самбал, смашный, смертенный, сытат, хучь и др.
Семантические диалектизмы	гарнитуравый, дробной, дулевый, заводы, фанты и др.	мучка	журьба, отчнить
Диалектные словосочетания и фразеологические диалектизмы	заловка-калатовка, ленточки-баленточки, Настохла-лястоха, систи-мести	узом-урук, кованы-дворцы, прутья-вепья, пьяница-тарька	щедрик-бедрик, нови-новина

или потомок от смешанного брака русских и бурят'; связывают с бурятским *хари* 'чужой, иноземный; чужак' [Аникин 2000, 270]), а также существительные *иман* 'домашний козел', *имануха* 'коза' («Егоркина *женка скотину блюдила, Скотину блюдила, имян нарекала, Кобыла Ненила, жеребец Данила, Корова Алена, бык Алешка, Имануха Пашка, иман Николашка, свиньи Аксиньи, боровы Васильи...*»); это, судя по этимологическому словарю, заимствование из бурятского (монгольского), где *ямаа(н)* — 'коза' (См.: [Там же, 725]).

Есть некоторые сомнения относительно этимологии слова *ханжина* («*Пили ханжину, магару*»), лексема *ханшин* восходит (через бурятско-монгольское посредство) к тому же китайскому источнику, что и маньчжурское *xānšīn* 'китайская водка из гаоляна', бурятское *хааншан* (*архи*) 'китайская водка'. Отметим, что на возможное заимствование этого слова семейской традицией указывает только Этимологический словарь русских диалектов Сибири А. Е. Аникина [Аникин 2000, 609].

Встречаются в текстах семейских также диалектизмы, имеющие общие корни со словами украинского и белорусского языков: *выгожий*, *галушка*, *гукать*, *гурт*, *дробной*, *зажуриться*, *зачипаться*, *похилиться*, *робить*, *разрюхаться*, *спохиленный*, *хмара*, *чебярики/чеверики/чебирики* ('черевики'), *чумача* и др. (большинство из них зафиксировано в СРНГ). Аналогичные лексемы встречаем и в текстах русских песен Алтая (*вкалыбнуться/всколыбаться*, *выробить/зароблять/отробить*) и Полесья (*гуторить*, *дручить*, *журьба*, *зажуриться*, *криница/крыница*, *куток*, *несмашный*, *похилиться*, *робить/робыть/роблять/пророблять/выроблять*, *сподмывать*, *цибуля*).

В песнях можно найти и слова, корни которых являются общими только для русских диалектов и украинского языка. Например, в полесских песнях это *гарный*, *горилка*, *грудить/грючить*, *гурковать*, *гуторить*, *доня*, *дрюга*, *журьба*, *залицаться*, *зезуля*, *зрасти*, *колodeзь*, *колупать*, *комелек*, *коханочка*, *кохаться*, *лепетня*, *мати*, *наповать*,

поганный, *подаровать*, *покрипать*, *рятувать/ретовать*, *слухать*, *сподмывать*, *спытать*, *сховать*, *трескочка*, *хучь*, *черет*, *щедрик*; в забайкальских — *баять*, *бердочка/бердичка*, *варнак*, *заводы*, *заворки*, *запурхаться*, *куканенок*, *лея*, *нарывны*, *спаганиться*, *татенький*, *чибартной*, *шепетливо*; в алтайских песнях — *баский*, *заторгачить*, *игрыще*, *побаять*, *хорабровать*, *шадровитый* и др.

Отмечены также в этой группе диалектизмы, корни которых будут общими для русских диалектов и белорусского языка. Ср. *варавое*, *галец*, *галенец*, *гуровать*, *прозаровать*, *закубастый*, *калатовка* в текстах семейских.

Кроме того, фонетический облик целого ряда диалектных слов мог сформироваться под влиянием украинского или белорусского языков. Например, в лексемах *воскыкать*, *вскокоченный* в забайкальских песнях.

Нельзя однозначно утверждать, что все эти лексемы были включены исполнителями в фольклорные тексты в то время, когда старообрядцы проживали на территории Ветки или в Полесье, ведь многие из них зафиксированы в русских диалектных словарях. Такая лексика в течение целого ряда веков была усвоена на бытовом и культурном уровнях русским населением приграничных районов (между Россией, Белоруссией и Украиной), и поэтому мы не можем с уверенностью считать, что лирическая песня заимствовала их в результате непосредственного соприкосновения с иноязычным этносом, а не усвоила с потоком диалектных слов от русских носителей устного народного творчества еще до переселения на Ветку. Единичная частота употребления такой лексики указывает на факультативный характер ее использования.

Итак, судя по незначительному количеству слов, заимствованных забайкальским фольклором из бурятского языка (менее десяти лексем и все с единичным индексом частотности), можно утверждать, что иноязычные элементы проникают в живую ткань русской народной песни с большим трудом, практически влияние чуждой языко-

вой традиции сведено к минимуму. А вот слова из «общеславянского фонда» песня охотно использует. Правда, как уже было сказано выше, невелика вероятность того, что лексемы, имеющие корни, общие с корнями из белорусских и украинских слов, попали в русский фольклор в результате тесного соседства в период бытования его в Восточном Полесье или на Ветке. Ведь в СРНГ отмечены однокоренные диалектизмы, зафиксированные и в других районах, а семейские в большинстве своем являются переселенцами с юга России, где влияние белорусского и украинского языков на диалекты достаточно сильно (ареалы распространения говоров не совпадают, как известно, с административными и государственными границами).

Поскольку новые слова возникают зачастую именно как локализмы на стыке культур в ходе межъязыковых и межнациональных контактов, то механизм образования и количество такого рода лексики в текстах варьируются в зависимости от региона бытования фольклора, от специфики контактов с «чужой» языковой и культурной средой.

Судя по тому, что такого рода слова появляются в текстах и сохраняются там длительное время, а не заменяются чем-то другим, каждый раз новым, наверное, можно говорить о «фольклорных неологизмах», хотя это и кажется парадоксальным, несовместимым с традиционными жанрами, исполняемыми на протяжении веков практически без изменений. Особенно это касается поэтических жанров устного народного творчества, отличающихся «жесткостью» структуры. Да, возможно, эта «новая» лексика, так сказать, «шлифуется» в процессе многократного исполнения песни, несколько видоизменяясь при этом. Часто фольклор заимствует слова, изменяя их до неузнаваемости (к примеру, город *Стокгольм* вошел в текст песни как *стеклянный* город). Однако некоторое сходство в звуковом облике слова-оригинала и слова-неологизма все-таки сохраняется. Там, где это возможно, либо иноязычный корень заменяется русским, либо до-

бавляется «родная» для традиции аффиксация.

Обычно такие слова номинируют предметы, лежащие за пределами круга быта крестьянина и поэтому воспринимаемые им как имеющие оттенок престижности. Отсюда объяснение того, что они так ценятся и берегутся исполнителями. Например, прилагательное *сиянский* в алтайских песнях: «*Во мне сердце обмерло, Я, млада, спугалась. Во сиянской стороне Колокол раздался...*». В русском литературном языке *сиенский* (Сиенская земля) — «темно-желтая краска, применяемая в живописи; сиена». От итал. *Terra di Sien(n)a* — по названию провинции и города в Италии [БАС, 18, 783]. В СРНГ: «*Сиян* — Сиян-город. *Фольк*. Эпитет солнца. *Сиянский* — *Фольк*. 1. В загадке: *Есть поле сиянское, в нем много скота монастырского, один пастух, словно ягодка* (небо, звезды, луна). Даль. 2. [Знач.?). *Стоит дерево сиянское, лист на нем каприанский...*» [СРНГ, 37, 360]. Видимо, в песне большое влияние на выбор этой лексемы оказало созвучие ее с глаголом *сиять*, имеющим в русском языке положительную коннотацию.

Аналогично в забайкальских песнях прилагательное *персидский* воспринимается исполнителем как нечто необычное. Ср.: «*Кораблик новый приукрашен, Персидский на ем убор, На ем веслы золотые...*». В других вариантах этой песни лексема *персидский* звучит как *перыцыкый* и даже как *перстечкой*. Как видим, звуковой облик слова значительно изменен. Исполнитель, возможно, уже не вкладывает в эту лексему первоначальное значение, для него важно не оно, а сама идея того, что «чужое» = «чудесное».

О том, что слова с иноязычными корнями с трудом приживаются в русском фольклоре, свидетельствует тот факт, что у них, как правило, много фонетических и словообразовательных вариантов. В качестве примера можно привести уже упомянутые выше лексемы *раскарымычка/раскарымычиха, чебьярики/чеверики/чебирики (черевики)* в забайкальских песнях, *вскалыбнуться/всколыбаться* — в алтайских и *рату-*

вать/ретовать, робить/робыть/роблять в полесских текстах.

Впрочем, фонетические варианты одного и того же слова для фольклора — нормальное явление. Поскольку собиратели фиксируют живую речь, специфика говоров неизменно отражается на записях. Иллюстрацией этому может послужить, в частности, употребление как изофункциональных в песнях «семейских» исконнорусских лексем *блю-дить* и *блюшить* ‘блюсти’ («Егоркина женка скотину блюдила, Скотину блюдила, имяна нарекала»; «Скрозь зеленую решотку Часовой уш там блюшит.»). *Блюду*, *блюсти* — ‘наблюдать’, ст.-слав. *блюсти* ‘хранить, соблюдать’ [Фасмер 2004, 1, 178].

Наличие вариантов в схожих сюжетах песен подтверждает тот факт, что фольклорный текст — не жестко фиксированное образование, а живой организм, который живет по своим законам, изменяется и воспроизводится с определенной степенью постоянства. Песенный фольклор, формировавшийся на протяжении многих веков, допускает такого рода изменения, поскольку для этого имеется огромный творческий потенциал.

В условиях иноэтнического окружения в островном переселенческом говоре иногда возникают новые слова — звуковые комплексы, в которые исполнитель вкладывает какую-либо определенную семантику. На стыке двух языков могут появляться, видимо, не только фонетические деформации русских слов, но и фольклорные локальные окказионализмы, толкование которых теперь установить практически невозможно, а собиратели в свое время не уделили этой лексике должного внимания.

Семантику некоторых из таких лексем можно определить хотя бы приблизительно исходя из контекста. Так, в песнях семейских Забайкалья используются два варианта, видимо, одного и того же прилагательного — *ненерский/венерский* («Да два, ой, два нений- ой-я-ей, два *ненерских* палка. Да два *венерских* палка»). Вряд ли здесь идет речь о *венгерских* полках, к которым ближе всего

фонетический облик слова *венерский*. По нашим наблюдениям, в вариантах песни исполнители по-разному искажают название полков, но везде речь идет об одном и том же, о *линейных* полках. «*Линейный* (устар.) ‘расположенный по линии границы; пограничный’ (*линейное* казачье войско); ‘составляющий основу армии, регулярный’ (*линейное* войско (пехота), линейные полки...)» [МАС, 2, 184].

В алтайских песнях используется прилагательное *верьяный* («На гусях струны верьяные <...> На гусях струны шелковые»). Судя по тому, что в качестве изофункционального к данной лексеме используется слово *шелковый*, речь в песне идет о струнах из нитей, то есть *верьяный*, вероятнее всего, является производным от диалектного существительного *верва/верви* ‘толстая просмоленная нитка для шитья обуви и кожаных изделий; дратва; веревка’. *Вёрвы* — ‘веревки’ (Забайк., 1920); ‘про-волока’. *Верьерь* — ‘дратва, толстая, ссученная из двух-трех нитей льняная или пеньковая нить, смоленая’ [СРНГ, 4, 293, 178].

В том же корпусе текстов находим диалектизм *заторгачить* («Стала жёнушка жидати, В барабан играти. *Заторгачил* барабан»). В СРНГ зафиксированы созвучные лексемы с близкой к нашему контексту семантикой — *заторить* ‘начать быстро говорить, затараторить’; ‘начать часто стучать’ и *заторкаться* ‘начать колотить в дверь, застучаться’ [СРНГ, 11, 101–102].

Еще одна «локальная» лексема из текстов русских песен Алтая — *простьяночка* («Маша сидела. Ох, да про... простьяно... да простьяночек на-пряла...»). Можно предположить, что это производное от *простень* ‘веретено’ (обычно с пряжей), либо от *простень* ‘мера сотканного полотна’, либо от *простик* ‘веретено с пряжей, намотанной до отказа’ [СРНГ, 32, 240–241].

Диалектизм *чигуниена* («Чигуни’ена два (й)арыши’йна Да на ей бе’егаемы маяши’хы-ена») из того же корпуса текстов имеет однокоренное существительное *чугунка*, зафиксированное в словарях как *областное* со значением ‘чу-

гунный горшок', 'чугун' и *просторечное* 'чугунная печка' [БАС, 17, 1158]. Скорее всего, в нашем контексте выступает второе значение этого слова.

В полесских песнях встречается существительное *смертнице* («Жану схоронити, на смертнице зарыти»), не зафиксированное в словарях. Видимо, *смертнице* образовано по аналогии с *кладбище*.

Тот же корпус текстов содержит наречие *спревах* («Незнакомый мальчишечка и входил, И в ту спревах на красавицу смотри») в значении 'сперва'. В украинском языке есть созвучные ему *спрежа*, *спрежду* 'прежде, в прежнее время' [Гринченко 1958, 4, 189].

Итак, в перечисленных случаях о значении фольклорного окказионализма можно хоть приблизительно догадаться, в других же толкование лексемы затруднено, поскольку мы даже не можем идентифицировать в ней русский корень. Однако и на заимствование этих локальных слов зачастую ничто не указывает. Полагаем, что подобные слова можно отнести к «темным», так как семантика их неясна.

В забайкальских песнях к такого рода лексике можно отнести следующие локализмы:

— *расчучовый* («Ой, да рубашоночка у Машеньки, ой, чучова, Ай, да расчучовое...»). Здесь, возможно, от чуха 'кафтан, верхняя одежда из синего сукна' [Фасмер 2004, 4, 388—389]. Несмотря на то что в тексте есть лексема *чучовый* со значением, видимо, 'сделанный из чухи', вероятнее всего, *расчучовый* — это не производное от него, а сильно фонетически измененное *чесучовый* 'относящийся к *чесуче*, плотной суровой (шелковой) ткани полотняного переплетения' [БАС, 17, 991—992];

— *рамадушка* («Рамадушка белья Па беружку бегыла. Милыва праведыла»). СРНГ дает несколько значений лексемы *ромода* и *ромада*: 1) возня, суета, беспорядок, неразбериха, шум, брань, 2) ерунда, напраслина; 3) толпа; 4) рой мошек; 5) простодушный, невзыскательный человек; простофиля; неспокойный человек [СРНГ, 35, 171]. *Ромода* — толпа, шум, возня, толкотня;

ромада — то же [Фасмер 2004, 3, 500]. (Отметим, что в украинском языке соответствий нами не было обнаружено.) Как видим, эпитет *белый* указывает на положительную коннотацию лексемы *рамадушка* в песне, а это значит, что ни одно из значений этого существительного, приведенных в словарях, не подходит к нашему контексту. Вероятно, исполнитель воспринимает данную лексему как имя собственное, поскольку в песне № 113 в схожем контексте используется имя Варвара: «Варварушка белья»³. Итак, мы здесь скорее всего имеем дело с утратой первоначального значения слова; в ходе воспроизведения текста, вероятно, «выпало» имя собственное *Варварушка* и было заменено созвучным, но «темным» для исполнителя *рамадушка*. Возможно также, *рамадушка* имеет семантическую связь с *ремодом* (см. далее);

— *ремод* («По улице ремод Ходи браво, черноброва, Говори, что ремод»). Вероятнее всего, здесь искаженное *ромода*, причем в первом случае в значении 'толпа, шум, возня, толкотня, суета' (см. выше существительное *рамадушка*), тем более, что в словарях находим схожие примеры: «На улице ромода, жена мужа продала» [Даль 2006, 4, 103]; «На улице ромода» [СРНГ, 35, 171], а во втором случае ближе другое значение того же слова — простодушный, невзыскательный человек; неспокойный человек. Ср. пример: «Он такой ромода. Эх ты, ромода, право, ромода!» [СРНГ, Там же]. Однако в том же СРНГ находим лексему *рамада* со значением 'пасмурная погода с мелким дождем, часто с туманом', проиллюстрированную тем же контекстом, «На улице рамада, рамада, Жена мужа продала, продала» [СРНГ, 34, 94]. Впрочем, именно этот контекст приведен в СРНГ в качестве иллюстрации и к другой лексеме — *громада* 'сельская сходка, собрание жителей села, деревни, на котором разбираются общественные дела'; 'большое количество людей, толпа народа'; 'шум, возня'. Ср.: «У нас

³ Такую вариативность в фольклорных текстах К. В. Чистов называет *вибрацией* [Чистов 2005, 73—104].

на улице громада, жена мужа продала, за дешево отдала» [СРНГ, 7, 149]. В БАС *громада* — доревол. ‘поземельная община на Украине и в Белоруссии; также собрание членов этой общины, сход’ [БАС, 3, 416].

Видимо, искажение данной лексемы произошло на фонетическом уровне еще в момент исполнения песни. Причем в первом и во втором случаях употребления в тексте лексемы *ромода*, очень вероятно, изначально были разные слова. Здесь можно также допустить порчу текста при расшифровке или типографскую опечатку, случайную замену *о* на *е* и даже утрату начального согласного, хотя тот факт, что слово употреблено так дважды, заставляет в этом усомниться.

В русских песнях Алтая и Полесья также встречаются «темные» лексемы. Так, в алтайских текстах зафиксировано существительное *мучка*: «Стлал, стлал казаченек Мучку пуховую, Потнички под бочка, Седельце в изголовье». Упоминаемые в данной песне потнички — это войлок (ср. «потник под седло» [СРНГ, 30, 286]). Вероятно, *мучка* — это тоже какая-то часть обмундирования или снаряжения казака.

В полесских песнях упоминается «темное» слово *житии/житина* (?) («Поведу ее на могилку У точок. Дай, дядька, Пятачок. Но, дигиля, Житииную, А куда махне, Там жито расте»). Здесь, возможно, *жита* не маю (‘не имею’). В СРНГ находим целый ряд однокоренных, созвучных и омонимичных слов: *жит* ‘любой хлеб в зерне’; *житняк* ‘степная кормовая трава из рода пыреев, сем. злаковых’; *житина* ‘стебель ячменя, ячменное зерно’; *житня* ‘ячменная, ржаная каша’, а также *жит* ‘жизненный уклад, быт; житье-бытье’ и даже *жит* — вводное слово [СРНГ, 9, 198]. Что именно имеется ввиду в песне, сказать трудно.

В этом же корпусе текстов встречается лексема *имечи* «Помер, помер хозяин их Име-е-чи с походу»). В СРНГ *имачий* — ловкий, умеющий хорошо ловить; *имкий* — сильный, крепкий (о морозе, ветре и т. п.); *имкнуться* — стремиться [СРНГ, 12, 194]. В украинском языке

имити/имати — брать, взять, поймать, схватить [Гринченко 1958, 2, 198]. Возможно, здесь деепричастие (?).

И наконец, глагол *покиметься* («Ой да ты елочка, ты сосеночка, Ты когда узошла, когда выросла. На высокий терём покимелася»). Видимо, здесь в значении ‘наклонилась’. К сожалению, в словарях нам не удалось найти этому подтверждение.

Подчас в фольклорных текстах встречаются лексемы, корни которых известны в русском языке, но контекст не позволяет нам точно определить их лексическое значение.

К примеру, в текстах семейских Забайкалья встречаем:

— *желтырь* («Насеяла желтырю, Желтырю, желтырю, Ходи браво, черноброва, Говори, что желтырю»). Словарь русских говоров Забайкалья указывает, что *желтырь* — луговой цветок с желтыми лепестками [Элиасов, 111]. Однако тогда неясно, зачем нужно его сеять. Возможно, все-таки речь в песне идет о каком-то культурном растении, к примеру, о подсолнухе. Корень этого диалектизма праславянский (см. [Фасмер 2004, 2, 43]);

— *павальница* («А ты, Ваня, не дурак, Схватил девку — да в кабак, За кузницу, за павальницу...»). В Словаре русских говоров Забайкалья зафиксирована лексема *павальница* с пометой «[Знач.?]» [Элиасов 1980, 283]. Причем Э. Е. Элиасов приводит тот же контекст: «Схватил девку — да в кабак, за кузницу, за павальницу...» [Элиасов, 283]. Возможно, здесь мы имеем производное от одного из следующих слов: *повалуха*, *повалушка*, *повалыш*, *повалы*, *повалыша*, *поваль* — все эти слова обозначают различного рода помещения в избе или за ее пределами [СРНГ, 27, 118–119]. В белорусском языке *павал* — валежник, бурелом [<http://www.jiport.com/?page=11&sname=beru&fl=16>];

— *галец* («И над трупом согнувшись люди, Гальцы вышли сражение смотреть»). *Гальцы* — юноши, молодые люди [Элиасов, 87]. *Голец* и *голица* — голыш или нагиш, бедняк, нищий [Даль, 1, 366]. В СРНГ находим *голец* ‘неимущий человек, бедняк, нищий’ (со ссыл-

кой на Даля); маловероятно, что здесь *галица* — приятель [СРНГ, 6, 113], либо производное от *гальство* ‘издевательство, глумление, насмешка’ [СРНГ, 6, 123]. В этом значении данный корень имеется и в других славянских языках (См.: [Фасмер 2004, 1, 387]). Этимологический словарь отмечает также *галить* ‘глазеть, таращиться’ [Там же], которое наиболее подходит нашему контексту. В белорусско-русском словаре находим: *галота* — 1) збор. голь, голытьба; 2) бедность, нищета; *галець* — 1) нищать, разоряться; 2) бедствовать, нищенствовать; *галеча* — нищета, нужда [http://www.jiport.com/?page=6&sname=beru&fl=4];

— *галенец* («*Ис кажицы выйдег юхтица ... Из юхтицы выйдут галенцы*»). Исходя из того, что *юфть*, *юхть* — особый сорт мягкой кожи [Фасмер 2004, 4, 536], речь скорее всего идет о *голенце* (ср. *галевоу кафтанеу*), производном от *голь* — китайская шелковая ткань, вроде камки. *Голевой* — из этой ткани сделанный [Даль 2004, 1, 372]. Аникин предполагает, что пришло из китайского, хотя источник неясен: «Во всяком случае, *голь* осторожнее отделять от колым. *голь* ‘замша’» [Аникин 2000, 167]. Судя по тому, что речь идет о кожаных материалах, *голенец* может обозначать одежду без меха, ворса, с «голой» поверхностью. К примеру, *голицы* — кожаная рукавица по себе, то есть без вареги [Даль 2006, 1, 372]; *голицы*, *голички* ‘рукавицы без подкладок’ [СГССЗ, 101]. Либо от *голень*, к примеру, *голешка* — голенище сапога [СРНГ, 6, 292]. Ст.-слав. *гольнь* [Фасмер 2004, 1, 428]. Видимо, здесь *голенцы* — кожаные сапоги/перчатки. В белорусском языке используются однокоренные лексемы *галёначны* — анат. ‘берцовый’ и *галёнка* ‘голень’ [http://www.jiport.com/?page=6&sname=beru&fl=4];

— *житейка* («*Ой, аде травка ах, зеленеет Да я там житейку да расстелю*»). Скорее всего, речь идет о *жилетке*. Маловероятно, что от *жито*, *житовье* ‘ржаная солома’ [Даль 2006, 1, 544]. В этом значении корень характерен и для украинского, и для белорусского языков. Возможно, здесь имеются в

виду *житки* ‘пожитки, имущество’ (?) [СРНГ, 9, 190];

— *лити* («*В литях вижу белый снег напал*»). В *литях* — здесь, возможно, от *ледянка* ‘дорога по льду’ [Элиасов 1980, 184]. Зимой в Забайкалье дороги шли только по льду замерзших рек. Словарь Юмсуновой дает нам следующее толкование данной лексемы: «специально облитая водой колея зимней дороги на лесозаготовках. То же, что и *льдянка*» [СГССЗ, 243]. Однако можно предположить также, что в данной песне имеется в виду что-то типа *ледя* — мн. ч. от *ледина*. В СРНГ *оконная ледина* — льдина, которая вставлялась зимой вместо оконного стекла [СРНГ, 16, 321], то есть, возможно, в песне девушка смотрит в окно на милого;

— *сполавный* («*Для того я тебе, дочь, родила, Да чтоб сполавную всю жизнь испытать. Я помру на Вудинских шавёрах*»). Скорее всего, здесь от *славный*, *исполу славный* = вместе, совместную славную жизнь прожить. «*Сполу* — пополам. От *с-* и *пол* — половина [Фасмер 2004, 3, 737];

— *начёкать* («*Да ли во... ой, биспощадна-та нас сзади буюти, Дали да ну, яой, да спины, плечики-ли мы начёкая*»). Здесь либо звукоподражательное (звон цепей), либо от *начекмарить* ‘набить чекушей, чекмарем’ [Даль 2006, 2, 496]. В СРНГ отмечено два омонимичных слова: *начекать* ‘науськать, натравить (собаку)’ и *начекать* ‘накусать, искушать’ [СРНГ, 20, 282]. Есть в этом словаре и еще одно созвучное с нашим слово — *начеканить*, которое имеет также два значения: ‘накусать, искушать’ и ‘поставить знак, клеймо, сделать отметку на лбу’ [Там же]. Исходя из контекста, последнее значение нам также подходит больше, чем все другие; впрочем, в СРГСУ встречаем *чёкнуть* ‘ударить, шелкнуть’ [СРГСУ, 7, 20].

Отметим, что в алтайских песнях в том же контексте употреблена лексема *начукать* («*Ох да спины, плечики а нам начукали...*»).

Встречаются в текстах и фольклорные неологизмы, возникающие для номинирования явлений и понятий, возникающих в новых этнокультурных ус-

ловиях. Интересна в этом плане этимология лексемы *манзур* из забайкальских текстов: «*Манзур, манзур подъезжает К машинному дому, Стук-бряк колечко, — Выйди, Маша, на крылечко, Дай коню воды*». БАС фиксирует лексему *мазур* ‘лицо, принадлежащее к крупной этнографической группе поляков, населяющей северо-восточную часть Польши...’ [БАС, 6, 497]. Словарь украинского языка отмечает эту лексему со значением ‘поляк из Мазурии’, а также здесь упоминается существительное *мадзур* ‘прозвание малороссов, исповедующих католическую веру’ [Гринченко 1958, 2, 396, 397]. Однако словарь русских говоров Забайкалья толкует лексему *манзур* как ‘вор, проходимец, жулик’ [Элиасов 1980, 196]. Т. Б. Юмсунова в Словаре говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья фиксирует существительное *манзя* ‘прозвище потомков старообрядцев, проживающих в Красночикойском районе Читинской области’ [СГССЗ, 258], возможно, *манзур* — производное от него. В Этимологическом словаре русских диалектов Сибири есть лексема *манджурка* ‘маленькая китайская лошадка’ со ссылкой на [СРНГ, 17, 356] < из монг. < из маньчж. [Аникин 2000, 375]. Можно допустить, что в песне *манзуrom* назван конь, а не человек, что маловероятно. Может быть *манзур* — производное от *мазурик* ‘жулик’ < из польск. [Фасмер 2004, 2, 558]. Впрочем, в СРНГ у слов *мазур, мазура, мазурик и мазурин* есть и другие значения. К примеру, ‘штукатур’, ‘бурлак’, ‘неопрятный человек’, ‘угрюмый, сердитый человек’, ‘нахал, наглец’, ‘негодяй, плут’ и даже, что тоже очень подходит к контексту песни, — ‘малороссиянин, приезжающий с обозом’ [СРНГ, 17, 299 и сл.]. Предположим, что существительное *манзур* — производное от *мазур* (‘поляк из Мазурии’) — попало в фольклор еще в бытность старообрядцев на Ветке, а затем приобрело новый фонетический облик под влиянием созвучного существительного *манзя*.

Иногда лексика с затемненной семантикой в текстах появляется по вине собирателей, которые не смогли «узнать» то или иное слово, расшифровыв-

ая записи, либо в результате опечаток при наборе текстов и подготовке их к изданию. Такой «дефект», как правило, можно устранить меной словоделения, правкой одной-двух букв с почерководческой мотивировкой или ссылкой на типичные опечатки⁴. И. Г. Добродомов называет такие слова «призрачными» (см.: [Добродомов 1973, 124—127; Добродомов 1999, 101—106]). Об этом явлении пишут многие исследователи, его мы наблюдаем и в анализируемых текстах. Такие «призрачные» слова зачастую представляют собой не что иное, как части каких-либо слов.

Ср. в забайкальских песнях: *даво-ра* («*Ай, не сидела ба ты толька, Дуня, ну я, А ой, да рад, Дуня, яох, Дунюшка, давора поздно да вя..., аи, ну я, Да ой, да позна вячаром, Дуня, поздно вя..., вячиром*») — скорее всего здесь *давора* = *да воро[чатся] поздно вечером; садвоя* («*Скажи таварищ, ох, где ж садвоя, Лишь ты красоту, дай, палюбил?*») — может быть, здесь *садвоя* = *сад твоя* (ср., [СРНГ, 36, 20]), или же, «...где ж <кра>са твоя...».

Итак, среди лексических диалектизмов, корни которых отсутствуют в литературном языке, часть лексем, вероятно, можно считать локализмами, то есть словами или формами, употребляемыми только в конкретном регионе (например, *ханжина, мазяра, иман, имануха, раскарымычка* у семейских). Слова эти имеют иноязычные корни, обладают индивидуальной воспроизводимостью и, соответственно, не известны ни в общерусском, ни в диалектном речевом обиходе. «Региональная уникальность языковой единицы не случайна, не беспричинна. Регионально ограниченными по употреблению бывают обычно реликтовые, “заповедные” слова и выражения, сохранившиеся от предшествующих эпох в силу исторической обособленности населения данной территории, или же слова, которые при самом своем возникновении были связаны с какими-либо обстоятельствами местной жизни, обусловившими не-

⁴ См., к примеру, опыт критики Словаря русских говоров Забайкалья Л. Е. Элиасова А. Е. Аникиным [Аникин 1999, 31—46].

повторимость, исключительность оно-масиологического признака» [Головина 1987, 107].

Фольклорное слово в условиях стихотворно-музыкального текста «ведет себя как “поэтическая морфема”, то есть как единица, которая в рамках стремящейся к цельности строки может быть и отдельным словом, и частью окказионального композита» [Хроленко 1979, 231]. А. Т. Хроленко относит к фразеологизмам конструкции типа *тоска-печаль, путь-дорога, трава-мурава, хлеб-соль*, которые словарями современного литературного языка фиксируются как лексические единицы [Там же, 232]. В нашем материале также имеются подобные ассоциативные конструкции.

К фольклорным окказионализмам следует, видимо, отнести лексемы, входящие в следующие аппозитивные словосочетания с характеризующим компонентом (см. [Кочеткова 2005]), встретившиеся нам в забайкальских песнях: *ленточки-баленточки* («*Ой, вы ленточки-баленточки мои, да, Заплятите в косы русые, да*»); *Настюха-лястюха* («*Ты, Настюха-лястюха моя*»); *систи-мести* («*Систи-мести наговаривать*»); *старуха-шепетуха* («*А старуха-шепетуха Не влюбила того духа*»). В данных конструкциях, на наш взгляд, второй компонент — это рифмованный окказионализм, получающий значение только в паре. Это разговорная форма обозначения некой совокупности, воспринимаемой чаще всего неодобрительно. Подобные сочетания довольно подробно описаны в языкознании (ср. *эвкалипты-мевкалипты, акации-макации* и т. п. [Хроленко 1975, 79–81]).

В полесских песнях встречается фольклорный фразеологизм *щедрик-бедрик* («*Щедрик-бедрик. Дай вареник...*»). *Щедровка* (щедровка) — в русском и украинском обрядовом фольклоре закликательная песня с пожеланием хозяину и его семье достатка и благополучия. Видимо, от *щедриться* — обл. ‘проявлять щедрость; щедро раздавать что-либо’ [БАС, 17, 1650].

В алтайских пенях зафиксирована конструкция *узюм-урюк* («*Да только где узюм, где узюм-урюк растет*»), в которой обе лексемы тюркского происхождения⁵. В этом корпусе текстов отмечены нами также аппозитивные словосочетания *прутья-ветья, пьяница-тарыка* и др.

Некоторые слова в песнях не записаны собирателями через дефис, однако очень похожи на примеры, приведенные выше. Ср. в песнях семейских: *магяра, ханжина*, о которых речь уже шла выше («*Пили ханжину, магяру*»). *Магяра*, по всей видимости, — *мадера* (ср., *водяра* ‘водка’), а *ханшин* — китайская водка [Фасмер 2004, 4, 222].

Возможно, лексемы *челина* и *болина* из того же корпуса текстов («*Там на горке калина, Да там на горке калина, Челина, болина, болина...*») также представляют собой взаимодополняющие в лексическом отношении друг друга слова (как, например, *путь-дорога, лук-чеснок*). Можно предположить, что *челина, болина* — это наименования ягод, поскольку стоят в одном ряду с существительным *калина*, однако словари не фиксируют подобных лексем, хотя можно найти несколько созвучных им, например, *бузина, черемна* (‘черемуха’) и др. Впрочем, эти слова, скорее всего, использованы в песне исключительно как асемантизированный припев.

В текстах песен достаточно часто встречаются варианты известных слов, появляющиеся под воздействием рифмы, которая диктует в поэтических жанрах фольклора не только форму слова, но даже и его фонетический и морфемный облик (это случаи «новоделок», зачастую характеризующихся

⁵ Р. Б. Козлова, анализируя важнейшие памятники всех жанровых разновидностей фольклора на предмет наличия в них заимствованных слов, отмечает, что для толкования иноязычных слов используются как русские, так и ранее усвоенные иноязычные слова. Толкуемое и толкующее слово образуют своеобразный «повтор» (*лакеи-прислужники, штыки-ружья, псалтырь-книга* и др.), компоненты которого обладают разной степенью семантической близости, а иногда и разным семантическим объемом [Козлова 1974, 7].

«разовым употреблением». Их, видимо, можно отнести к фольклорным окказионализмам).

Например, в текстах семейских: *ватычэк* («Ой, зашёл-зашёл ватычэк Вацаревый кабачёк»); *вылистеный/ялистинький* («Капустка, капустка, Ты вылистенкая, коченистенкая» / «Капуска, капуста Ялистинькая. Качанистинькая...»); *дулить* («Сулят, дулят»), *заворки* («Пеньковые заворки висят у Егорки»); *зазноблешенек* («Старый прежний друг размилешенек, Моему сердцу зазноблешенек...»), *палатица* («Жестяная матица, да золота палатица»); *ухач* («Командиры — усачи да ухачи»).

В некоторых случаях значение рифмованного слова не совсем прозрачно. Ср., например, в забайкальских песнях, *стрихня* («Как нявестина стряня — Рукавом стряня!») и *шилдарянычка* («Доча панычка, Шилдарянычка да»).

Непосредственно связаны с рифмой и «темные» слова *вящи* и *клучи* в одной из песен семейских («Манах ризу надивал, Бальшу книгу в руки брал, Вящи направлял. Он ни направился вящей да Проклял Ванька со клучей, Сам нашёл плисать»).

Часто в песнях рифмуются междометные лексемы. В забайкальских песнях: *нанэ/карманэ/тарнанэ/карнанэ; ликтур ликтур, вир, вир чур*.

Есть также просто распевные, не несущие смысловой нагрузки сочетания типа *фыр дал под-заверду, кур дал придалын далын* в забайкальских песнях, *дидладо, сполюли* — в алтайских, которые легко можно принять за самостоятельные слова, этимология и семантика которых неясна.

Действительно, иногда трудно такие лексемы отличить от других, несущих какую-то смысловую нагрузку в тексте. К примеру, слово *руя* в песне «Не сидела бы, Дуня», записанной у семейских: «Да и не тушила бы огня, рую, Ой, да ли разогня явах...». Можно предположить, что это не междометие, а песенная редукция *разогня* — *руя* (?). В СРНГ, *руить* — плакать, реветь; *руиться* — проявлять активность... [СРНГ, 35, 238] и *рэя* — груда, куча (сена, бревен) [Там же, 292]. Однако вероятнее всего, что

руя — ничего не значащая ритмоподдерживающая вставка, как *явах* в том же тексте. Таких вставок много, по свидетельствам исследователей, не только в русских песнях, но и в фольклорных текстах других народов.

В фольклорных текстах и диалектах вообще у известных слов могут развиваться новые значения, либо появляются омонимы. Так, в анализируемых песнях встречается много семантических диалектизмов. Например, такими будут существительное *фанты* (вероятнее всего, это фонетический вариант лексемы *фалда* ‘задняя пола мужской одежды, имеющей разрезанную снизу спинку; трубнообразная продольная складка на одежде’ (из польского) [МАС, 4, 549; Даль 2006, 4, 531]) и прилагательное *дулелый* («Нам дулелый кафтан, фанты дуются, Фанты дуются, раздуваются...») в одной из песен Забайкалья. Отметим, что в других вариантах этой песни, в частности, в текстах русскоустинцев, изофункционально лексеме *фанты* используются слова *сволки*, *свалки* в значении ‘складки’, а вместо прилагательного *дулелый* употреблено слово *голевой* (См.: [Кляус, Супруга 2006, 62]). В СРНГ зафиксировано прилагательное *дулелый* ‘бестолковый, глупый, неотесанный’ и *дулелый* ‘гнилой’ [СРНГ, 8, 253]; существительное *дуля* ‘длинная женская шуба’ [СРНГ, 8, 255]. В украинском языке есть лексема *дульети* (*ét*) — род женской одежды [Гринченко 1958, 1, 455]. *Дулелы* — древнее восточнославянское племя, жившее на территории современной Украины в бассейне реки Буга [БАС, 3, 1155]. Что из перечисленного вызвало к жизни данный семантический диалектизм, судить трудно.

В песнях семейских Забайкалья, помимо уже описанных омонимов литературным словам, отмечены прилагательные *гарнитуравый* (*гродетуровый*), *дробной* ‘мелкий’ и существительное *заводы* ‘затеи’, в полесских песнях — глагол *отчинить* ‘отворить’ и существительное *журьба* ‘печаль’, в алтайских — существительное *мучка* (знач.?).

Ф. П. Сороколетов, анализируя диалектную лексику «Песен Дмитровского уезда Орловской губернии», собранных В. Н. Добровольским, отметил, что среди диалектных существительных, глаголов и прилагательных наиболее широко представлены словообразовательные диалектизмы, затем лексические диалектизмы, диалектные слова, проявившиеся в результате лексикализации, наконец, незначительное количество семантических и фразеологических диалектизмов [Сороколетов 1979, 54—56]. Такое соотношение структурных лексических классов диалектизмов сохраняется, конечно, и в нашем материале.

Тот факт, что большинство диалектизмов в песенном фольклоре в целом составляют производные слова, обусловлен своеобразием сочетаемости морфем в говорах. В прилагательных наряду со словами простой структуры многочисленны дериваты, осложненные добавочными, уточняющими суффиксами, например, *хлопоченый, шелчистый, бельчистый* и т. п. В системе глагола эта тенденция проявляется в наличии большого числа многоприставочных глаголов: *привзастыть, воспомереть, напроскучить* и т. п. (см.: [Сими́на 1979, 123—124]).

Отдельная группа лексических диалектизмов включает в себя слова, материально схожие со словами литературного языка, тождественные им семантически, но незначительно отличающиеся фонетическим обликом из-за реализации в нем лексикализованных фонетических процессов. Явления лексикализации обычно связывают с отмершими или отмирающими фонетическими или морфологическими закономерностями [Кузнецова 1971, 49].

В. С. Бахтин, изучавший фольклор русских старообрядческих поселений Польши, Румынии, Болгарии и Монголии, отмечает, что исполнитель старается воспроизвести текст как можно точнее, и «если слово непонятно, он стремится найти подходящее по звуковому облику. <...> В текстах, которые связаны с ритмом, с мелодией, темные места появляются чаще, чем в свободно

организуемой прозе. Исполнители эти темные места добросовестно повторяют. <...> Интересно отметить, что темные места в принципе становятся местами, где импровизация, фантазия, т. е. творчество, протекают активнее всего» [Бахтин, 1999, 40—42].

Зачастую в устном народном творчестве проявляется тенденция к упрощению синтаксиса путем называния одним-двумя словами сложного явления или понятия. Это, как нам представляется, довольно убедительная причина для создания новых, пусть даже окказиональных, слов.

Итак, фольклор, находящийся в окружении иной традиции, стремится к сохранению своего статус-кво и поэтому старается восполнить утраченное в ходе эволюции текста либо за счет заимствования лексики, не слишком чуждой родному языку по фонетическому облику и семантике, либо создает новые слова, в которые вкладывает необходимый смысл, который, возможно, не отражали слова, изначально присутствовавшие в тексте песни. Конечно, и та и другая лексика проходит определенный период «притирания», «подгонки», видоизменяясь до определенной степени.

Поэтому в текстах много лексических диалектизмов, среди которых встречаются и слова с иноязычными корнями, и фольклорные окказионализмы, и так называемые «темные» слова (с неясной семантикой), этиология которых может быть различной: 1) заимствованные корни, соединенные с русской аффиксацией, и тому подобные процессы; 2) новые слова, называющие предметы, лежащие за пределами круга быта крестьянина, поэтому воспринимаемые как имеющие оттенок престижности (отсюда объяснение того, что они так ценятся и берегутся исполнителями); 3) фольклорные неологизмы для номинирования явлений и понятий, возникающих в новых этнокультурных условиях; 4) возможный типографский брак при публикации текстов или ошибки собирателей при расшифровке записей.

Таким образом, лексикологический анализ локальных диалектизмов и окказионализмов русских народных песен показал, что язык поэтического фольклора старообрядцев всех исследуемых групп достаточно устойчив к иноэтническому влиянию. Отметим, что лексика из близкородственных языков (украинского и белорусского) заметно легче проникает в традиционные жанры фольклора, нежели из языков других групп, например, из бурятского в Забайкалье.

Литература

- Аникин 1999 — Аникин А. Е. Еще раз о «Словаре русских говоров Забайкалья» Л. Е. Элиасова // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1999. СПб., 2002.
- Бахтин 1999 — Бахтин В. С. Экспедиции в русские старообрядческие поселения Польши, Румынии, Болгарии и Монголии // Живая старина. 1999. № 1. С. 40—42.
- Белькова 1970 — Белькова В. А. Судьба южнорусского говора в условиях инодиалектного окружения (фонетико-морфол. очерк): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1970.
- Головина 1987 — Головина Э. Д. Параметры окказионального в речи диалектного типа // Диалектное и просторечное слово в диахронии и синхронии. Вологда, 1987. С. 103—109.
- Добродомов 1999 — Добродомов И. Г. О «призрачных» словах // Русская речь. 1999. № 1. С. 101—106.
- Добродомов 1973 — Добродомов И. Г. Хотя слово и есть в словарях // Русская речь. 1973. № 1. С. 124—127.
- Кляус, Супряга 2008 — Кляус В. Л., Супряга С. В. Сопоставительный анализ лексики старообрядцев Восточного Полесья, Алтая и Забайкалья // Традиционная культура. Современный взгляд, проблемы и перспективы: Юдинские чтения—2008: Материалы всерос. науч.-практ. конф. (Курск, 15 февраля 2008 г.). Курск, 2008.
- Кляус, Супряга 2006 — Кляус В. Л., Супряга С. В. Песенный фольклор русско-устыинцев Якутии и семейских Забайкалья: Материалы к изучению бытования в иноэтническом окружении. Курск, 2006.
- Козина 2001 — Козина О. М. Старообрядческие говоры Забайкалья, проблема классификации // Старообрядчество, история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы III междунар. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 26—28 июня 2001 г.). Улан-Удэ, 2001. С. 215—219.
- Козина 2000 — Козина О. М. Говоры старообрядцев Забайкалья, генезис, диалектный тип // История, культура и язык старообрядцев Забайкалья: Тезисы регион. науч.-практ. конф., г. Улан-Удэ, 19—20 окт. 2000 г. Улан-Удэ, 2000. С. 87—90.
- Козлова 1994 — Козлова А. Ю. Загадочные слова «клюще» и «ключ» Толковой падеи // Русская речь. 1994. № 3. С. 75—80.
- Кочеткова 2005 — Кочеткова Т. И. Словосложение как средство номинации и предикации в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2005.
- Кузнецова 1971 — Кузнецова О. Д. Слова с отпадением начальных гласных а и о в говорах русского языка // Диалектная лексика 1969. Л., 1971. С. 49—60.
- Ровинский 1873 — Ровинский П. А. Замечания об особенностях сибирского наречия и словарь // Известия / ВСОРГО. 1873. Т. 4. № 1. С. 17—32.
- Ровинский 1873а — Ровинский П. А. Материалы для этнографии Забайкалья // Известия Сибирского отдела РГО. 1873. Т. 4. № 2.
- Селищев 1920 — Селищев А. М. Забайкальские старообрядцы. Семейские. Иркутск, 1920.
- Селищев 1921 — Селищев А. М. Диалектологический очерк Сибири. Вып. 1. Иркутск, 1921.
- Сими́на 1979 — Сими́на Г. Я. Структура производного слова в диалекте (К вопросу о связи словообразования и семантики) // Диалектная лексика 1977. Л., 1979. С. 122—128.
- Сороколетов 1979 — Сороколетов Ф. П. Диалектная лексика в языке народных песен (на материале песен Дмитровского уезда Орловской губернии, собранных В. Н. Добровольским) // Диалектная лексика 1977. Л., 1979. С. 54—61.
- Тынтуева 1973 — Тынтуева Е. И. Влияние бурятского языка на говор «семейских» Забайкалья (на материале говора сел «семейских» старообрядцев Бурятской АССР) // Принципы и методы лексико-грамматических исследований: Науч. докл. II межкафедр. семинара аспирантов-языковедов (8—9 окт. 1973 г.). Л., 1973. С. 51—55.
- Тынтуева 1997 — Тынтуева Е. И. Иноязычные тюркские элементы в говоре «семейских» старообрядцев Забайкалья, относящиеся к лексике одежды // Интегративные связи филологии. Улан-Удэ, 1997. С. 45—55.
- Тынтуева 1963 — Тынтуева Е. И. Несколько замечаний о говоре «семейских» Забайкалья // Отчетная конф. Восточно-Сибирского совета по координации и пла-

нированию гуманитарных наук: Тез. докл. и сообщ. Иркутск, 1963. С. 172—174.

Тынтуева 1987 — Тынтуева Е. И. О фонетических явлениях в говорах забайкальских старообрядцев // Фонетические исследования языков и диалектов Бурятии. Улан-Удэ, 1987. С. 116—121.

Тынтуева 1992 — Тынтуева Е. И. Русско-бурятские языковые связи (на материале семейских говоров) // «Банзаровские чтения», посвящ. 170-летию со дня рождения Доржи Банзарова. Улан-Удэ, 1992. С. 143—144.

Тынтуева 1994 — Тынтуева Е. И. Фольклорные материалы как источник изучения говоров Забайкальских старообрядцев // Русский фольклор и фольклористика Сибири: Тез. докл. всерос. науч. конф., посвящ. 80-летию со дня рождения Л. Е. Элиасова. Улан-Удэ, 1994. С. 41—42.

Федорчук — Федорчук Е. В. Межъязыковая омонимия и паронимия в близкородственных языках: дис. ... канд. филол. наук // <http://www.dissert.h10.ru/dis/fedorcyukev.html>

Филин 1961 — Филин Ф. П. Проект «Словаря русских народных говоров». М.; Л., 1961.

Филин 1966 — Филин Ф. П. О лексикализованных фонетико-морфологических вариантах слов в русских говорах // Лексика русских народных говоров. М.; Л., 1966. С. 27—34.

Филин 1994 — Филин Ф. П. Предисловие к «Словарю русских народных говоров» // СРНГ. Вып. 28. 1994. С. IV—VI.

Хроленко 1975 — Хроленко А. Т. Ассоциативные сочетания в русском языке // Русский язык в школе. 1975. № 6. С. 79—81.

Хроленко 1979 — Хроленко А. Т. Проблемы фольклорной лексикографии // Диалектная лексика 1977. Л., 1979. С. 229—241.

Чистов 2005 — Чистов К. В. Фольклор. Текст. Традиция: сб. ст. М., 2005.

Эрдынеева 1986 — Эрдынеева Э. Д. Диалектная речь русских старожилов Бурятии / отв. ред. В. И. Рассадин. Новосибирск, 1986.

Юмсунова 2001 — Юмсунова Т. Б. Системные отношения в диалектной лексике русских старообрядческих говоров Забайкалья // Старообрядчество: история и современность, местные традиции, русские и зарубежные связи: Материалы III междунар. науч.-практ. конф. Улан-Удэ, 26—28 июня 2001 г. Улан-Удэ, 2001. С. 220—226.

Юмсунова 1992 — Юмсунова Т. Б. Лексика говора старообрядцев (семейских) Забайкалья / отв. ред. Н. А. Лукьянова. Новосибирск, 1992.

Юмсунова 1988 — Юмсунова Т. Б. Лексические контакты семейских говоров с бурятским языком и староильскими русскими

ми говорами (на материале названий диких животных) // Развитие и взаимодействие диалектов Прибайкалья. Улан-Удэ, 1988. С. 108—121.

Юмсунова 1977 — Юмсунова Т. Б. Русские говоры старообрядцев (семейских) Забайкалья как говоры переходного типа // Вестник Рос. гуманитар. науч. фонда. Москва, 1977. № 4. С. 169—190.

Юмсунова 1999 — Юмсунова Т. Б. Фонетическое и морфологическое своеобразие говоров старообрядцев Забайкалья // Гуманитарные науки в Сибири. Новосибирск, 1999. № 4.

Словари

Аникин 2000 — Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. Москва; Новосибирск, 2000.

БАС — Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. М.; Л., 1948—1965.

Гринченко 1958 — Словарь украинского языка / ред. и доп. Б. Д. Гринченко: в 4 т. Киев, 1958.

Даль 2006 — Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М. 2006.

МАС — Словарь русского языка: в 4 т. М., 1999.

СГССЗ — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья / под ред. Т. Б. Юмсуновой. Новосибирск, 1999.

СРГСУ — Словарь русских говоров Среднего Урала. Свердловск, 1970—1988. Т. 1—7.

СРНГ — Словарь русских народных говоров М.; Л.; СПб., 1965—2009. Вып. 1—41.

Фасмер 2004 — Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 4-е изд. М., 2004.

Элиасов 1980 — Элиасов Э. Е. Словарь русских говоров Забайкалья. Улан-Удэ, 1980.

Summary. The article deals with the local dialect vocabulary in the Russian folk songs of Old Believers living now in the Baikal region, Altai and Polesie. The author represents the etymological and lexicological analysis of lexical and semantic dialects. The results of the analysis help to identify the possible influence of the new conditions on the vocabulary of the Russian songs. The special attention is paid to borrowed word, “nonce” word and new-created word.

Key words: Russian folk song, Old Believers in Altai, Polesie and Baikal region, folk dialects.